

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ СМЕРТИ В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Статья посвящена рассмотрению и анализу ряда политико-философских коннотаций, связанных с пониманием смерти в средневековой западной традиции. В работе предпринята попытка проследить, как религиозно предопределенная трансформация отношения к смерти и монополизация похоронных обрядов, предпринятая церковью, потенциально могли влиять на политические и социальные процессы средневекового мира.

Ключевые слова: *смерть, средневековые политическая философия, политический августинизм, temento mori.*

Важным аспектом выстраивания актуализированной ретроспективной модели эволюции отношения к смерти является, несомненно, рассмотрение феномена в христианской культуре.

Следуя за А. Токарчиком [18. С. 240], который систематизировал и рационализировал отношение к категории смерти в Библии, следует проанализировать то, каким образом идея смерти влияла на аргументацию Августина Блаженного при создании диады: «Град небесный» / «Град земной».

«Политический августинизм» основывается на ряде фундаментальных теологических конструкций, затрагивающих вопросы свободы воли, грехопадения и универсализма. Несомненно, данные исходные положения являются продуктом интерпретации Августином текстов Нового завета, однако категоричность воззрений Аврелия на человеческую природу есть следствие эсхатологических настроений, порожденных разрушением Западной Римской империи и окончательной инфляцией идеи Pax Romana.

Смерть человека и смерть государства интегрированы в рамках «политического августинизма» в единую диалектическую схему двух градов. Если «Град земной» является сосредоточением греха и бренности, в котором смерть присутствует постоянно, то в «Граде небесном» спасение и единение во Христе ведут к бессмертию.

Тем не менее, государство как олицетворение «Града земного» есть категория, играющая важную роль в системе политической аргументации

Августина Аврелия. Цель государства совпадает с телеологией «Града небесного», стремящегося к миру (Рах) [10. С. 99], поэтому карательные институты, формирующие государство, должны быть подчинены Божьей воле. Это приводит к тому, что церковь ради высшего блага верующих (упомянутые спасение, воссоединение во Христе) направляет правителя государства, легитимируя принуждение церковными санкциями и обращая использование насилия на достижение мира, в отсутствие которого спасение остается недостижимым [9. С. 59]. Кроме того, можно отметить, вслед за Ф. Коплстоном, что «Августин оказался вынужденным прийти к выводу о необходимости совместной борьбы религиозной и гражданской властей против ересей и раскола» [11. С. 68].

Смерть и страх, царящие на земле, компенсируются верой. Постоянный хаос и эсхатологический пресс политических реалий Западной Европы V века приводят Августина к гиперболизации негативных моментов земного существования, в том числе и смерти, за счет которой примат и тотальность церкви и христианства приобретают более осязаемый характер.

Политическая философия Августина во многом предопределила специфику мортальной картины мира, которая господствовала в средние века [14 С. 36]. В данном контексте уместно привести позицию А.Я. Гуревича, который подчеркивал двойкость тотальности смерти в рассматриваемый период.

Во-первых, в сравнении с языческим мироощущением, раннехристианское и средневековое восприятие времени претерпевали трансформацию, превращаясь из циклического в линейное, но при этом сохраняя эсхатологическую компоненту в качестве предопределяющей (движение истории к Страшному суду) [7. С. 99-101]. Именно Августин Аврелий отверг идею цикличности, опираясь на текст Нового Завета и приводя в качестве аргументов цитаты из посланий к Римлянам (смерть не имеет над восставшим Христом власти) и к Фессалоникийцам (воскреснув, верующие всегда будут с Господом), которые актуализируют перспективу и конечность исторического развития [1]. Более того, Августин Афр различает два типа темпоральных координат [1]: Бог пребывает в вечности, тогда как человек воспринимает время субъективно посредством духа (1) [1].

Удачно подчеркивает «конечность» восприятия времени Норман О. Браун, который отождествляет христианское чувство с неизбежно глубоким и перманентным переживанием последних дней [20. Р. 219-220], подчеркивая эсхатологический характер «революционного миллениаризма» Н. Кона в контексте папской революции, исследуемой Дж. Берманом [4. С. 41-42].

С. Мохов, интерпретируя взаимосвязь между восприятием смерти и темпоральными рамками, подчеркивает, что перманентное предчувствие апокалипсиса нивелирует возможность осмыслить смерть во временной перспективе [14. С. 39]. Конец господства анахронизмов и зарождение чувства

исторической дистанции, как считает Э. Панофский [15. С. 100], произойдет только в конце треченто [17. С. 150-151] (2) или длинного тринадцатого века [13. С. 101-106] (4).

Во-вторых, А.Я. Гуревич постулировал категорическую повсеместность смерти в социальном измерении, возражая Ф. Арьесу, который интерпретировал смерть в качестве «прирученной» [2. С. 58]. Умирание являлось случайным и неожиданным, всепроникающим, бесконтрольным и неподвластным процессом [6. С. 209-210]. Кроме того, в качестве короллария из первого аргумента может быть выведена следующая черта: смерть неизбежна, так как история имеет устремленное к «конечности» апокалиптическое свойство.

Греховность человека, являющаяся одним из лейтмотивов и оснований аргументации в политической философии Средневековья, несмотря на попытки реабилитации природы индивида, например, Фомой Аквином [16. С. 31-35], предопределяет центральное место смерти и процессов умерщвления, связанных с многочисленными христианскими практиками. Так, общим местом являлось истязание плоти, человеческой оболочки посредством постов, молитв и иных процедур религиозного культа [8. С. 112].

Жестокость и «биологизация» смерти подтверждаются и на примере эксцентричных мер наказания, предусмотренных в период до папской революции в синкрете народного права и христианских практик. Так, пени-тенциарным потенциалом обладала близость к мертвому телу (суть обряда заключалась в проведении ночи с усопшим) [4. С. 80].

Чрезмерно реалистичный взгляд на смерть (ее повсеместность) может быть истолкован поздней католической доктриной через концепцию Чистилища. Смерть телесной оболочки христианина являлась срединным этапом, связывающим бренную жизнь и существование вечной, после воскрешения Христа. Тело связано с душой неразрывно, что означает следующее: грешники воскреснут для того, чтобы быть осужденными, праведники для того, чтобы попасть в Рай [19. С. 417-502] (7). Те же, кто грешил, совершая при этом добрые поступки, попадет в Чистилище, где его душа будет проходить процедуру санации [12. С. 544] (3).

В этот период «очищения» телу не уделяется так много внимания, как душе: родственникам следует молиться за усопшего в целях облегчения его участи перед Страшным судом [23. Р. 88]. Кроме того, особое внимание стоит уделить упокоению (захоронением данную процедуру назвать не представляется возможным) рядом с храмом. В данном случае сакральный характер мошей и храмовых пространств соотносим с легитимирующей силой онтологической святости королей-чудотворцев [5. С. 130-135].

Ф. Арьес в связи с этим отмечает, что в Средневековье античная оппозиция мертвого и живого, в которой первому полюсу отводился явно негативный аксиологический окрас, переворачивается: мертвое тело более

не является сосредоточением скверны, но создает вокруг себя религиозно-сакральную инфраструктуру [2. С. 64]. Необходимо подчеркнуть, что средневековые погосты и кладбища далеки от профанного мира и несравнимы с современными погребальными комплексами: скромное содержание, смешение с городскими коммуникациями [22. Р. 47], постоянные раскопки и перезахоронения [22. Р. 88], неглубокие братские могилы, отсутствие в массе случаев практик индивидуализации захоронений [21. Р. 73] (6). Тем не менее, кладбища, одинаковые по своему виду, являлись источником дохода для клира, именно по этой причине каждый приход старался создать собственное сакральное пространство для погребения, руководствуясь стремлением к тезаврации финансовых ресурсов [14. С. 31].

В Средние века появляются так называемые секстоны (*kuster*, *габбай*), представители профессии, которую допустимо называть «первой секулярной профессией похоронной сферы» [14. С. 34]. Подобная рационализация похоронного процесса привела к нескольким последствиям. Во-первых, похоронные процессии с ходом времени постоянно усложнялись, удаляясь от первоначального раннехристианского аскетизма. Во-вторых, похороны снова становятся элементом статусного потребления, эпизодом демонстрации и подтверждения привилегированного положения семьи усопшего.

Необходимо отметить, что в период позднего Средневековья похоронная индустрия, которая постепенно начинала приобретать обособленные черты, приобрела свойство, благодаря которому благородные и статусные семьи могли демонстрировать собственные властные преференции. Кроме того, стоит обратить особое внимание на структурированность обряда погребения, которая обеспечивалась профессиональными гильдиями. А.Я. Гуревич указывает на схожесть языческих культовых форм с теми погребальными процессиями, которым уделялось особое внимание со стороны полузакрытых иерархических цеховых и городских средневековых гильдий [7. С. 146].

«*Memento mori*» и «*ars moriendi*» являются центральными элементами отражения в искусстве ключевых перечисленных выше характеристик исследуемого феномена. Во многих католических храмах был украшен росписями, которые можно отнести к жанру «Пляски смерти». «Пляска смерти» отражала амбивалентный подход к смерти: на картинах соблюдалась строгая иерархичность (за скелетами следовала процессия, порядок которой был выдержан согласно статусному положению участвующих), совмещенная с равенством каждого из пляшущих перед неминуемой кончиной.

Важно подчеркнуть, что «пляска смерти» сама по себе объединяла элементы драмы, народных гуляний, элитарного (например, отображение *mortis saltatio* на картинах Г. Гольбейна) и народного искусства (обилие выкриков и поговорок, сопровождавших процессию, связанную с плясками) [3. С. 704] (5).

Выводы: В католической теологии тематика смерти отодвигалась на второй план, будучи замененной в различной степени проработанными

концепциями бессмертия души. Мертвое тело, несмотря на синкретичное единство всех ипостасей средневекового существования под эгидой тотального господства религиозных этических и эстетических принципов, постепенно, с течением времени, становилось ресурсом социального капитала для церковного клира.

Тотальность смерти и гегемония церковных доктрин, ее осмысляющих, приводили к тому, что умирание растворялось между частным и публичным, выталкивалось в сферу искусства («Memento mori» и «ars moriendi»).

Средневековое восприятие времени, будучи линейным, предопределяло неотвратимость и эсхатологический характер неминуемого конца истории. Подобное предощущение смерти, ее перманентное ожидание подтверждает неизбежность конечной, истинной смерти. Отрицание цикличности – важнейшая черта человека Средневековья, предопределявшая его индифферентные реакции по отношению к эрзац-политическим вещам (например, античные добродетели и этические принципы).

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) «В тебе, душа моя, измеряю я время. Избавь меня от бурных возражений; избавь и себя от бурных возражений в сумятице своих впечатлений. В тебе, говорю я, измеряю я время. Впечатление от проходящего мимо остается в тебе, и его-то, сейчас существующее, я измеряю, а не то, что прошло и его оставило. Вот его я измеряю, измеряя время. Вот где, следовательно, время или же времени я не измеряю».

(2) Важно понимать, что именно рецепция идей античного Рима, начавшаяся на территории итальянских городов и княжеств, послужила катализатором для распространения чувства исторической дистанции в дальнейшем по всей Европе.

(3) Зарождение и эволюцию идеологемы чистилища скрупулезно изучил Ж. Ле Гофф.

(4) Ле Гофф Ж. наделяет долгий XIII век (1160-1330 гг.) такими эпитетами, как «время торговой революции», «век справедливости». Кроме того, Ле Гофф указывает на то, что именно в период переломного XIII века образ Иисуса в общенародном представлении трансформируется: из победителя смерти тот становится примером бедности. Фактически, именно в указанный период тотальность смерти начинает редуцироваться.

(5) Представляется возможным интерпретировать развитие жанра «плясок смерти» в контексте формирования обновленной речевой и/или народной культуры Нового Времени.

(6) Скорее, уместно вести речь об унификации и повальной стандартизации могил: усопшие помещались лежа на спину с учетом положения относительно запада и востока.

(7) Христианская традиция в данном контексте кардинально отличается от античной, которая подразумевала цикличное перерождение. Христиан-

ство фокусируется на плотском воскрешении, стирая грань между Богами (бессмертными) и людьми (конечными), характерную для античного модуса восприятия смерти. Тем не менее, архетип умирающего и воскресающего божества закладывается Дж. Фрэзером в основание стадийного развития христианства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Августин Блаженный*. О граде Божием. М.: АСТ, 2000.
2. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс-Академия, 1992.
3. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2014.
4. *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М.: ИНФРА-М, 1998.
5. *Блок М.* Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М.: Языки русской культуры, 1998.
6. *Гуревич А.Я.* Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005.
7. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972.
8. История тела: в 3-х т. / под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло: От Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. I.
9. *Кондратенко С.Е.* К проблеме тирании и тираноборчества в средневековом политическом дискурсе // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 4. СПб., 2016.
10. *Кондратенко С.Е.* Политические аспекты современного католического дискурса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58).
11. *Коплстон Ф.* История философии: Средние века. М.: РОССПЭН, 1999.
12. *Ле Гофф Ж.* Рождение чистилища. М.: АСТ: Москва, 2009.
13. *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. СПб.: Евразия, 2015.
14. *Мохов С.* Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common Place, 2018.
15. *Пановский Э.* Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. М.: Искусство, 1998.
16. *Печурчик Ю.Ю.* Фома Аквинский о природе человеческой души // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 2.
17. *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли: в 2-х т.: Эпоха Ренессанса. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. Т. 1.
18. *Токарчик А.* Мифы о бессмертии. М.: Прогресс, 1992.

-
19. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М.: АСТ, 2003.
20. Brown N.O. Love's Body. New York, 1968.
21. Cessford C. The St. John's Hospital Cemetery and Environs, Cambridge: Contextualizing the Medieval Urban Dead // The archaeological journal. 2015. Vol. 172.
22. Koslofsky C.M. The Reformation of the Dead: Death and Ritual in Early Modern Germany, 1450-1700. Basingstoke: Macmillan, 2000.
23. Laqueur Th. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton: Princeton University Press, 2015.

G.O. BAKHTIN

*Postgraduate student of the Department
of Theory and Philosophy, Faculty of Political
Science, St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

SOME ASPECTS OF UNDERSTANDING DEATH IN THE POLITICAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXT OF THE MIDDLE AGES

The article is devoted to the consideration and analysis of a number of political and philosophical connotations associated with the understanding of death in the medieval Western tradition. The paper attempts to trace how the religiously predetermined transformation of attitudes towards death and the monopolization of funeral rites undertaken by the church could potentially influence the political and social processes of the medieval world.

Key words: death, Middle Ages, political philosophy, political Augustinism, *memento mori*.